

АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЖУКОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
Zhukov@krc.karelia.ru

СУДЬБА КАРЕЛЬСКОГО ПЛЕННИКА ЮРИЯ КОНДРАТЬЕВА (по материалам Посольского приказа 1675–1676 годов)*

На основе комплекса источников судебно-правового характера и сопутствующих материалов второй половины XVII века прослежена борьба за личную свободу Юрия Кондратьева, который был пленен в Кексгольмском лене Швецией русскими войсками и стал «дворовым человеком» у дворянина Ивана Пятого. Но по суду Посольского приказа он отстоял статус свободного, его семья также получила свободу. Основная цель и задачи исследования состоят во «вписывании» судьбы Ю. Кондратьева в общеисторический контекст страны, в эволюцию институтов государства, особенно приказной системы и законодательства. Новизна исследования заключается в изучении личностного аспекта процесса общей трансформации традиционного общества в свете расширения поля правоспособности личности. Хронологические рамки работы вписываются в начальный период вызревания политического строя абсолютизма в недрах сословно-представительной монархии. В основу анализа положен микроисторический подход, а отчасти и методология истории повседневности.

Ключевые слова: плен, холопство, Посольский приказ, Челобитный приказ, суд, указ, право прецедента, социальный статус, правоспособность личности, Олонецкий уезд

В отечественной историографии середину – вторую половину XVII века называют предпетровским временем [12: 551]. Его суть связана с трансформацией в России строя сословно-представительной монархии в сторону социально-политической системы абсолютной монархии. В данных условиях правовое положение отдельного человека уже не было так жестко регламентировано незыблемостью социального статуса «от рождения». В систему абсолютизма начинали встраиваться «социальные лифты», которые помогали даже «маленькому человеку» улучшать свое положение в обществе. Наиболее заметно это явление проявлялось в сфере государственной гражданской и военной службы, для которой в 1722 году был введен даже «табель о рангах»¹. Конечно, в XVII веке данная система государственного поощрения и закрепления кадров на службе государю и в целом служба государству как единый централизованный механизм еще не оформились институционально; они только разрабатывались от случая к случаю в законодательной и правовой практике. И вместе с тем после основополагающего кодекса Соборного уложения 1649 года была предпринята серьезная попытка новой унификации всего основного законодательства государства. 16 декабря 1681 года появился указ царя Федора Алексеевича с «боярским приговором» «Об учинении в приказах вновь статей о таких делах, которых в Уложении не на-

писано и в новых статьях не написано». По указу, все приказы обязывались сводить в краткие «памяти» («списки») поступавшие к ним новеллы законодательства и выработанные прецеденты в приказной правоприменительной практике для создания обобщенного проекта нового Уложения². Данный указ выполнялся неукоснительно до конца XVII века и даже в начале XVIII века. Во всяком случае, исследователи находят, что самый полный экстракт таких законодательных новелл и прецедентов в делах Судного приказа относится к 1702 году. П. В. Седов делает обоснованный вывод, что указ о фиксации законодательных новелл «положил начало новому этапу в систематизации законодательства» [12: 474]. Законодательство и правоприменительная практика постепенно расширяли поле правоспособности личности, предоставляя возможности для повышения ее социального и правового статуса. В историографии данный процесс исследуется в основном на материалах Государева Двора и вообще привилегированных сословий (из новейших работ см., например: [3], [11], [12]) или на примере отдельных отраслей и реалий государственного строя, например актуальной для содержания данной статьи практики тюремного заключения [10]. Это не удивительно, поскольку отложившиеся в архивах источники (и количественно, и с точки зрения разносторонности отражения различных сфер исторического бытия) относятся прежде

всего к представителям правящих слоев и групп. Проблема пленя, положения военнопленных в начале эпохи Нового времени рассматривалась в историографии в основном на примере Северной войны России со Швецией, при этом главное внимание уделялось пленным военнослужащим (то есть взрослым) [4], [7]. Тем интереснее проследить эволюционный путь государственного строя на примере истории «маленького человека». Сложность заключается в том, что крайне редко сохраняются посвященные им обширные архивные материалы. Не в том смысле, конечно, что имена простых людей архивные источники не содержат, наоборот – те же генеральные и местные переписи почти сплошь состоят из имен таких «простецов». Но уникальными являются «дела» – то есть несколько связанных друг с другом по смыслу источников, посвященных одной личности, на основании которых можно проследить жизненный путь данного простого человека в контексте истории страны хотя бы на протяжении одного-двух десятилетий. И поэтому в силу своей уникальности такие «дела» вводятся в научный оборот прежде всего в форме их научной публикации. Для примера сошлемся на две публикации в серьезном научном специализированном сборнике статей, посвященном истории Российского государства в XIV–XVII веках. О. Ю. Куц опубликовал материалы за вторую половину 1650-х – начало 1660-х годов о «крестьянстве» донских казаков братьев Фомы и Калины Севастьяновых (21 документ) [9]; в «Приложении» к статье В. К. Зиборова «Из родословной русского однодворца» публикуется материал судебного дела 1656 года, которое определяло право однодворцев села Зорина на земли по реке Псёл [6]. Можно также указать на исследование И. А. Черняковой феномена обельных крестьян, но при этом помнить, что последние являлись все же привилегированной и весьма немногочисленной группой крестьянства, получившей царское освобождение от налогов и государственных повинностей за личное служение престолу [15: 193–204]. В монографии М. Б. Булгакова о народах Европейского Севера России в XVII веке исследуется адаптация к тогдашней российской политической, фискальной, хозяйственной и культурной повседневности не совокупности простых людей как таковых, а целых этносов [2].

Вновь повторим: в отношении Средневековья и начала Нового времени документальные свидетельства о жизни простых людей уникальны сами по себе. Но они тем более значимы, если в них судьба «маленького человека» тесно переплетается с магистральными направлениями истории всей страны – с ее внутренним управлением и внешней политикой, войнами, восстаниями и основами социально-экономического строя. Один из таких уникальных архивных материалов и положен в основу данной статьи. Это сохранив-

шееся в собраниях РГАДА судебное дело, озаглавленное архиварисом так:

1675 года, мая 16. Дело об освобождении из кабального холопства уроженца города Корелы Юрия Кондратьева с семьей, взятого малолетним в плен³.

Сразу укажем, что дело неполное, то есть все перипетии долгого судебного разбирательства в нем отсутствуют, но главные из них все же имеются, в том числе результат разбирательства. По возможности мы будем проверять сведения источника независимыми от него документальными материалами, что, несомненно, докажет высокую достоверность анализируемого корпуса документов судебно-следственного характера. Основная задача исследования состоит во «всплытии» личной судьбы «карельского пленника» Юрия Кондратьева в общеисторический контекст страны, комментирование представленных источников в тесной связи с эволюцией институтов государства, особенно его приказных (правительственных) органов и законодательства, с социальным и политическим поведением и правовыми обычаями высшей знати, дворянства и крестьянства. Методология исследования опирается на подходы и методы, которые выработала историческая наука при изучении структур государства и в области политической антропологии. Во-первых, имеет место институциональный подход, когда институты государства исследуются как самостоятельное явление в отрыве от других сторон политической жизни. Во-вторых, выделяется функциональный подход, при котором анализ институтов власти соединяется с изучением практик осуществления этой власти. Для данной работы второй подход более актуален, нежели первый. Но определяющим для нас выступает все же микроисторический подход, а отчасти и методология истории повседневности [8], которые позволяют наиболее четко выявлять судьбу управляемых в их столкновениях и во взаимодействии со структурами и органами государственной власти, с администраторами и представителями привилегированных слоев общества.

Итак, судебное дело началось с первой челобитной некоего Юрия Кондратьева на имя царя Алексея Михайловича об освобождении его от кабального холопства; примерная датировка – не позднее 15 мая 1675 года – устанавливается по со проводительной надписи (помете на обороте листа): «183-го году 15 мая. Поставить и допросить и велеть положить подлинную крепость». В челобитной Юрий пишет, что он, будучи малолетним, был захвачен в плен под городом Корелой (так в России продолжали называть Кексгольм, ныне Приозерск) и попал в неволю к Ивану Ларионову сыну Пятого. Но в 1661 году вышел царский указ об извещении Челобитного приказа о всех шведских пленных для их полного учета. Иван же Пятый и сам не известили приказ, и его не отпус-

кал известить, «а держит у себя и кабалит неволею»⁴.

Дело по члобитной Юрия вершилось в Посольском приказе – именно здесь были сняты показания с Ивана Пятого «против сего члобитья», видимо, и помета на обороте жалобы Юрия также появилась здесь. А Иван показал, что «в прошлых годех он был на государевой службе на Олонце» вместе с братом Кондратием, и именно к Кондратию солдат Сямозерской волости Ивашка Бессонов привел «нахожного малого», то есть ребенка-найденыша, доложив, что «нашел ево на дороге покинута». Кондратий взял мальчика себе и «крестил его, наречен Юрием», «вспоил и вскормил... и выучил грамоте». Впрочем, Иван не знает, записал ли Кондратий Юрия в приказе Холопьего суда. Затем, по разделу с братом Юрка попал к нему, к Ивану, но сбежал от него на 5 лет, а был пойман уже на юге, в 1670/71 году во время похода стольника и воеводы князя Ивана Васильевича Бутурлина «против воровских казаков» и возвращен Ивану. А в нынешнем 183 (1674/75) году Юрка, обокрав Ивана, вновь сбежал с его московского двора. Между тем имя Юрки записано в Раздельной грамоте Ивана с братом. На обороте показания имеется подпись Ивана Пятого⁵. Оба документа нуждаются в проверке достоверности их сведений. И такую возможность предоставляют независимые источники. Во-первых, это бюджет Олонецкого уезда «Сметные и поместные списки доходов и расходов Олонца и Заонежских погостов» 7165 (1656/57) года. В части расходов отмечено годовое жалованье офицерам полков нового строя, в частности «полковнику Вальтеру Кармихелю и его полку иноземцам и русским начальным людям», в том числе по 7 рублей в месяц капитанам Ивану и Кондратию Пятого⁶. Полностью подтверждается их служба на Олонце в «полках нового строя».

В Олонецком уезде было развернуто три таких полка [1]. Первый и второй полки являлись пехотными (солдатскими) полковников Александра Гамильтона и Вальтера Кармихеля; в 1656/57 году появился третий, рейтарский (кавалерийский), полк полковника Томаса Крафтерта. Все три полка участвовали в походе на Корелу в 1656–1657 годах. Но из того же бюджета известно, что из полка Кармихеля под Корелу ходили 888 солдат, а остальные стояли заставой в Погранкондушах и на Олонце⁷. Поэтому нет ничего удивительного в том, что солдат-сямозерец доставил офицеру своего полка найденыша. Как видим, уездные олонецкие бюджеты достоверно доказывают совпадение и времени, и места, и персон. Впрочем, имя Кондратия Леонтьева сына Пятого фигурирует и в других источниках, более близких ко времени члобитной 1675 года. Они более емко характеризуют фамилию Пятого. В 1680 году, после сильного пожара в столице, правительство

приняло решение о каменном строительстве и ремонте в самом Кремле (здания приказов), стен и башен Кремля и Китай-города. В связи с этим 6 мая со строителями и их начальниками были заключены уголовные записи, из которых следует, что общий надзор за работами был поручен дворянину московскому К. Л. Пятого и подьячemu Якову Зыкову. Исследовавший эти документы П. В. Седов отмечает, что в Боярском списке предыдущего 1679/80 года дворянин Кондратий записан всего лишь рейтаром и принадлежал, следовательно, к самым низам привилегированных московских чинов. Вместе с тем еще один брат Кондратия и Ивана Пятого, Антип Леонтьев, являлся «карлой» (шутом) в царских палатах, то есть имел непосредственный доступ к царю Федору Алексеевичу. По этой причине он оказался, что называется, «своим человеком» для влиятельных царедворцев боярина Ивана Максимовича Языкова и окольничего Михаила Тимофеевича Лихачева. Именно поэтому, заключает исследователь, они постарались приставить родного брата своей «весомой» креатуры – царского шута – к надзору за доходным казенным строительством [12: 529]. Для нас же данный сюжет интересен тем, что объясняет упорство, с каким впоследствии Иван Пятого оспаривал судебный приговор могущественного Посольского приказа. Можно уверенно предположить, что через своего брата Антипа Иван приобрел крепкий тыл среди чинов высшей государственной бюрократии – клана Языковых-Лихачевых. Последние, неуклонно наращивая придворный вес, уже главенствовали в Думе к концу царствования Федора Алексеевича (умер в 1682 году) [11: 410, 412].

Но вернемся к судьбе Юрия и его правовому статусу. Во-первых, становится понятно, почему у Юрия появилось отчество Кондратьев – по имени его крестного отца капитана Кондратия Пятого (по церковному обычаю, при переходе инославного в православие ему давали отчество по имени крестного отца). Во-вторых, само это крещение иностранца в православие означало, причем однозначно, что он теперь становится подданным русского царя. Более того, русско-шведское Валиесарское перемирие 1658 года запрещало выдавать шведам православных; этот пункт подтверждался затем Кардисским мирным договором 1661 года. В Швецию возвращались только те ее подданные, которые не пожелали перекрещиваться. Поначалу обменом пленных занимался Разрядный приказ (главное военное ведомство России), но в 1659 году эту работу царь возложил на Посольский приказ [5: 221–224]. Очевидно, именно поэтому члобитная Юрия было передана на разбирательство именно в Посольский приказ. Обмен пленных проводился в том числе и через Олонец, то есть на глазах капитана. Кондратий и Иван Пятого остались капитанами в полку В. Кармихеля и по уезд-

ным бюджетам 1657/58, 1658/59 и 1659/60 годов⁸. Очевидно, в эти годы размена пленных Юрия и крестили, поскольку, окрестив мальчика, Кондратий полностью лишил его возможности вернуться на родину. Впрочем, капитан о нем заботился. Более того, он не записал Юрия в книги приказа Холопьего суда, то есть оставил свободным человеком, своим воспитанником, – а вполне мог бы его «похолопить». Кстати, насчет записи в Холопы книги Иван Пятого не мог явно лгать следствию, ответив лишь, что не знает об этом. Дело в том, что холопское состояние – это тоже правовой статус, который регулировался законом: статусу холопа и правоотношениям с ним посвящена обширная глава XX «Суд о холопех» (119 статей) Соборного уложения 1649 года⁹. В соответствии с законом, все хозяева холопов в России были обязаны записать их в книги Холопьего суда, и поэтому явная ложь И. Л. Пятого была бы легко разоблачена отсутствием имени Юрия в документации этого приказа.

Неизвестно, почему при разделе имущества между братьями Юрий попал к Ивану Ларионову. Но, очевидно, он остался недоволен изменением в судьбе и сбежал. Куда? Он прибыл к донским казакам Степана Разина и участвовал в их восстании, но был вновь пленен в 1670/71 году. Проверяли ли это? Поход И. В. Бутурлина против «воровских казаков» действительно имел место, причем именно зимой 1670/71 года. Так, в декабре 1670 года Москва распорядилась о том, чтобы посланные для подавления разинцев воеводы Долгорукий, Хитрово и Бутурлин «промышл чинили все за одно», то есть тесно координировали свои действия. Такая тактика принесла успех, и от разинцев ими было очищено волжское правобережье (пензенские и тамбовские места) [13: 304].

О конкретных обстоятельствах пленения, содержания в тюрьме и отсылки Юрия Ивану Пятого источники не сообщают. Но известно, что Юрий не сдался и вновь сбежал, теперь уже написав челобитную на имя царя. Мотивы этого поступка раскрывает сам Юрий, который пришел в Посольский приказ на разбирательство и оставил собственноручно подписанные показания «распросные речи». По его словам, он из города Корелы, пленен солдатами и не помнит, кто его родители, какого города солдаты и продали ли они его Кондратию или просто «поступились» (отдали). Но он твердо знает, что Кондратий не записал его в книги Холопьего суда. Далее, когда Юрий остался за Иваном, тот насилино женил его на своей «старинной девке Аньотке» (очевидно, дворовой прислуге в холопском состоянии), а бежал от Ивана потому, что тот хотел его «покабалить силою»¹⁰. Кабала – это правовой акт, которым берущий взаймы поступал в холопы заимодавцу, покуда не будет выплачен весь долг, – это и называлось кабальным холопством.

Юрий Кондратьев не являлся россиянином по рождению, он – малолетний найденыш, по существу, пленник, судьбой которого распорядились солдаты, передав (или продав?) его своему командиру капитану Кондратию Пятого. Но последний все же попытался «вписать» Юрия в российскую действительность: он стал его крестным отцом и заботился о воспитаннике (выучил грамоте). Впрочем, это не помешало Кондратию отдать крестника брату Ивану при разделе имущества: по существу, с Юрием поступили как с движимым имуществом. Более того, чтобы усилить подчиненное положение Юрия, низведя его до статуса дворового холопа, Иван Леонтьев женил его на своей «дворовой девке», то есть на холопке. Для окончательного «похолопления» Юрия не хватало одного – признания данного статуса государством посредством записи в книгу приказа Холопьего суда. Именно поэтому не желавший становиться холопом Юрий Кондратьев и сбежал от Ивана Пятого, подавшись к разинцам. В этих поступках братьев Пятого мы видим отличие социального поведения, бытовавшего в дворянской среде, от правовых обычаяев солдат-крестьян, если такие найденыши оставались при них. Так, в 1590/91 году шведский отряд вторгся в Поморье, разорив ряд селений; в отместку царские воеводы с местными жителями совершили рейд в шведскую Северную Финляндию. Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 года зафиксировала результаты тех походов, в том числе следующий: в Шуерецком проживают «Исачко Ильин да приимыш его Якушко немчин... Карпик Анфилофьев да приимыш его Сенька немчин»; при этом Дозор различает лишь терминологически этих бывших шведских подданных от неродных детей из числа местных уроженцев:

Власко Оксентиев, прозвище Улкой, да его пасынок Манулка... Иванко Балаха да его пасынок Иванко Иванов з Яму, да сын его Михалка¹¹ («з Яму» – то есть с беломорского острова Еместров напротив деревни Колежма. – А. Ж.).

Фиксация в переписи-дозоре пасынков и приемных детей, причем совершенно однотипно с родными сыновьями крестьян, однозначно указывает на признание государством одинакового (равного между собой) крестьянского статуса крестьянских детей как за первыми, так и за вторыми и третьими – все они стали или станут такими же крестьянами-тяглецами, как и их приемные и родные отцы. И совсем другой пример является нам положение Юрия, избегнувшего холопства только своим своевременным бегством. Разумеется, и речи не шло о «дворянстве» Юрия: он – не приемный сын Кондратия, а всего лишь крестник. Тем не менее и члобитье на царское имя, и разбирательство в могущественном Посольском приказе, и взятие у Юрия показаний

— все это говорит о вполне законном юридическом процессе, который, как теперь очевидно, мог инициировать даже «маленький человек» — и не просто незнатный, но вообще не имеющий кровнородственных связей в стране, на которые можно хоть как-то опереться, человек с крайне низким социальным статусом, к тому же прямо участвовавший в крупнейшем антиправительственном восстании. Но при этом Юрий смог некоторое время противиться закабалению, будучи лично крайне зависим от дворянина И. Л. Пятого. Более того, сам судебный процесс между дворянином Иваном Пятого и совершенно ничтожным по сословным меркам Юрием Кондратьевым вылился в амбициозный спор двух приказов — Посольского и Челобитного и, в конце концов, привел к победе Юрия. Поскольку он изначально являлся шведским подданным, то его дело поступило для разбирательства в Посольский приказ, который в 1675 году возглавляли крупнейший дипломат и «любимец царский» (фаворит) боярин Артамон Сергеевич Матвеев и думный дьяк Григорий Богданов, то есть члены правительства Государевой Думы: на этом высшем правительственном уровне и решалась судьба Юрия, именно они и вынесли свой приговор по делу¹².

Надо сказать, что в 1670–1680-х годах происходила острая политическая и придворная борьба между кланами Милославских и Нарышкиных за бразды правления в государстве и влияние на царя. А. С. Матвеев, по существу, возглавлял партию Нарышкиных, и в 1674–1675 годах (в последние годы жизни царя Алексея Михайловича, женатого вторым браком на Наталье Кирилловне, урожденной Нарышкиной) находился в зените своей придворной власти; иностранные дипломаты называли его канцлером [11: 410, 470–471], [12: 207, 211]. Судебный приговор, вынесенный этим сановником, приобретал силу окончательного решения (по крайней мере, пока он «находился в силе»).

Вначале посольские судьи сняли показания с Кондратия Пятого, который подтвердил факт пленения Юрия, но сказал, что и сам был тогда под Корелой¹³. Затем посольские выяснили общее положение с бывшими шведскими пленными. Оказалось, что при отъезде в Швецию ее великих и полномочных послов те не оставили в Москве никакого «королевского дворянина» для розыска и возврата шведских подданных. И поэтому 21 июля 1674 года вышел царский указ об отдаче всех холопов — бывших шведских пленных их прежним владельцам: не давать воли тем, кто уже являлся холопом или крепостным. И именно по этому указу плененный разинец Юрий Кондратьев был возвращен Ивану Пятого по челобитью последнего¹⁴. Таким образом, между 1671 и 1674 годами Юрий находился где-то в заключении, что подтверждает сведения Ивана Ларионова о 5-летнем отсутствии у него Юрия, сбежавшего,

следовательно, в 1669 году. Попутно посольские выяснили, что, вопреки жалобе Юрия, Иван все же подал на него челобитную в Челобитный приказ в марте 1675 года, узнав у его подьячего, которому «приказаны полоняночные книги», что до нового указа царя холопам и крепостным велено жить за своими господами¹⁵.

Посольский приказ не удовлетворили вроде бы законные действия по возврату Юрия Ивану, поскольку оставался невыясненным самый важный юридический пункт: имелась ли на Юрия кабала или другая «крепость»? И выяснилось, что оба брата Ларионовы Пятого

крепостей они на него, малого Юрия никаких не положили, а сказали, что он им крепок только по крещенью и женат на старой девке, а в приказах нигде не записан¹⁶.

И вот тут ясно проявилась одна из основных черт судебного строя России — право прецедента. Оказалось, что в таком положении Юрий не был первым и по аналогичному случаю даже состоялся царский указ. Он также кратко зафиксирован в приговоре:

В нынешнем во 183 [1674/75] году по указу Великого государя и по помете на деле дьяка Емельяна Украинцева освобожден от Ивана Сербина свейского ж полону малой Васке Миколаев для того, что он, Иван, на того малого крепостей никаких не положил. И дана ему (Василию. — А. Ж.) воля, где он жить похочет¹⁷.

Дьяк Украинцев, кстати, также входил в руководство Посольского приказа и, следовательно, участвовал в суде¹⁸, очевидно, что он и обратил внимание главы Посольского приказа на этот прецедент. В результате 3 июля 1675 года боярин А. С. Матвеев вынес свой приговор по делу:

…приказал иноземцу Юрию Кондратьеву дать волю, и от Ивана Пятого его освободить, потому что не положил он, Иван, на него никаких крепостей, и дать ему волю, где он, Юрка, жить похочет¹⁹.

Как видим, опытные приказные судьи оформили свой приговор с теми же формулировками, что и царский указ о «малом Васке Миколаеве». Поэтому оспаривание данного судебного решения приказа по Юрию Кондратьеву означало бы подвергать сомнению законность и правомочность царской воли, что, несомненно, являлось очевидным юридическим нонсенсом.

Казалось бы, судьба Юрия определилась. После суда он нанялся в слуги к подьячemu Посольского приказа Кузьме Нефимонову. Между прочим, это означало, что теперь по любому делу Юрий был *подсуден только Посольскому приказу*. А Кузьма действительно служил здесь, что проверяется другими источниками. Ведь Кузьма Никитич Нефимонов вовсе не остался одним из безвестных посольских подьячих. Уже при царе Петре Алексеевиче его карьера выросла до ранга царского посланника в Вену, где в 1696 году он

от имени России заключил с австрийским императором и Венецией наступательный и оборонительный союз против Османской империи на три года, который и вылился в Азовские походы Петра I [14: 524]. Безусловно, К. Н. Нефимонов относился к даровитой посольской бюрократии, причем в 1675 году он был еще сравнительно молодым человеком. Так, известно, что в том же, 1675 году состоялось сокращение разбухших штатов дипломатического ведомства, и отбор шел строго про признаку профессионализма; в результате в приказе осталось только 12 подьячих «средней и меньшей статей», то есть наиболее молодые и талантливые [3: 62]. Увы, нам неизвестно, как при карьере молодого подьячего протекала жизнь его слуги Юрия. Если он оставался при Кузьме Нефимонове и не умер, то весьма вероятно, что в возрасте за 50 лет он повидал Вену. Правда, сразу после суда, в 1676 году, судьба Юрия вновь чуть было не повернулась в худшую сторону. К тому же напомним, что его жена Анютка и, как выясняется, их сын Ивашка все еще оставались за Иваном Пятого. Оказывается, по смерти царя Алексея Михайловича (умер 30 января 1676 года) братья Пятого нанесли неожиданный удар. 19 июля 1676 году подьячий Кузьма Нефимонов подал челобитную против братьев на имя нового царя Федора Алексеевича: Кондратий и Иван возобновили уже решенное в Посольском приказе дело новой челобитной в Челобитный приказ, который арестовал Юрия вновь, и теперь братья «против него замышляют». Но Юрка, пишет Нефимонов, освобожден и получил волю по суду, о чем имеется «Отпускная» Посольского приказа; во-вторых, он, Кузьма (а значит, и его слуга), «судом и правою во всяких делах ведомы» только своему приказу, – цитирует подьячий указ царя Алексея Михайловича. Из Посольского приказа в Челобитный приказ уже отослана «память»-выписка о суде, но там ее не приняли и «хотят без суда отдать Юрку Ивану». А сам Юрий Кондратьев «в полонных книгах» не записан ни за кем²⁰.

Дата подачи челобитной посольского подьячего – 19 июля – весьма примечательна. По нашему мнению, она связана с опалой боярина А. С. Матвеева при новом царе Федоре Алексеевиче. Дело в том, что кроме главенствующих группировок Милославских и Нарышкиных в Думе присутствовали еще и так называемые старые бояре во главе с князем Юрием Алексеевичем Долгоруковым и Богданом Матвеевичем Хитрово: они придерживались близких им по сердцу старых порядков – «без комедий и балетов», которые стали входить в моду при дворе царя Алексея Михайловича. Поначалу именно эти «старые бояре» и взяли кратковременно главенство в Думе при юном царе Федоре. Так, между 1 и 8 февраля А. С. Матвеев был отстранен от заведования Ап-

текарским приказом (по традиции, приказ возглавляли виднейшие члены Государевой Думы), что прямо говорило о начале падения могущества его и в целом «партии Нарышкиных». Главой Посольского приказа он оставался до 4 июля, когда состоялась его опала; новым судьей приказа стал думный дьяк Илларион Иванов [12: 201, 207–213]. Очевидно, что только после отставки А. С. Матвеева братья Пятого осмелились жаловаться вновь, а Челобитный приказ арестовал Юрия. (Дата подачи челобитной подьячим К. Н. Нефимоновым – 19 июля.) Кроме того, напомним, что креатурой группировок «старых бояр» был «царский карл» Антип Леонтьев Пятого, брат Кондратия и Ивана. Итак, с приходом к власти ретроградно настроенной старой боярской знати и следовавших за ними назначенцев Иван и Кондратий Леонтьевы получили возможность на пересмотр невыгодного им приговора опального главы Посольского приказа. Возглавивший этот приказ думный дьяк Илларион Иванов был мало сведущ в посольских делах, поскольку ранее являлся дьяком приказа Большого дворца [3: 217]. Но в помощниках у него оставался опытный посольский дьяк Е. И. Украинцев²¹. В результате корпоративный дух (посольских людей и их слуг судят только в Посольском приказе) и высокий статус посольских дьяков заставили и их повести войну за Юрия и даже за его семью с коллегами из Челобитного приказа и с братьями Пятого. К сожалению, мы не знаем, как именно Посольскому приказу удалось их отстоять, поскольку как раз документов об этом архивное дело не содержит. Но можно вполне уверенно предположить, что посольские опирались на судебно-юридическое право precedente: приговор по делу Юрия написан в тех же формулировках и с теми же основаниями, что и указ Алексея Михайловича о другом шведском пленном – Василии Миклаеве. Таким образом, перед Челобитным приказом всталась невыполнимая задача опровергнуть прямую царскую волю. Зато известен победный для Посольского приказа и Юрия Кондратьева, слуги «посольского человека», итог этого судебно-приказного «сражения».

На л. 23 дела записана вторая челобитная Юрия Кондратьева на имя еще прежнего царя Алексея Михайловича с просьбой отдать ему жену и сына Ивашку, отобрав их, таким образом, у Ивана Пятого²². А лист 22 дела – это подлинная расписка Юрия от 5 августа 1676 года о том, что в Посольском приказе он «взял у Ивана Пятого свою жену Анютку и сына Ивашку»²⁴. В соответствии с порядками и понятиями того времени, «взять в Посольском приказе» означало несомненно, что прежний приговор посольских остался в силе – и именно поэтому процедура передачи произошла «на территории» победителей, то есть с однозначным «уроном чести» проигравшей стороны – Челобитного приказа и братьев

Пятого. Конечно, не следует идеализировать Посольский приказ как действовавший только строго по закону. Доказательством обратного служит документ о жизненной коллизии в судьбе еще одного «маленького человека» – олончанина Митрофана Репенкова. Он писал в челобитной на имя царя Федора Алексеевича (не позднее 30 ноября 1681 года):

В нынешнем, государь, во 190-м году ноября в 21 день поимали меня, сироту твоего, приставы и привели в Посольский приказ, и с Посольского приказу отослан я, сирота твой, на Посольской двор и посажен в Колодничью палату без твоего, великий государь, указу и без приказу думного дьяка Лариона Ивановича с товарищи, и сижу по се время и помираю голодною смертью. А указу мне, сироте твоему, никакого нет, а вины я над собою никакой не знаю, и челобитчика на меня никакого нет же. … смируйся, вели … указ учинить и из Колодничьей палаты освободить, а исца мне поставить.

На обороте челобитной помета от 30 ноября 1681 года: «Взять к делу и положить на стол, а исца поставить»²⁴, то есть ввести дело в правовые рамки. Думается, что в случае с Юрием главным побудительным мотивом для посольских являлась амбициозная борьба за «честь» с Челобитным приказом – защита собственных решений от претензий на другое решение со стороны иного приказного ведомства. Видимо, имела место и политическая подоплека – противодействие бастиона новых порядков ретроградам из партии «старых бояр». Но подчеркнем: опирались посольские судьи на закон («указы»), с помощью которых и Юрий Кондратьев смог поднять свой социальный статус – от пленника и совершенно ничтожного «человека дворового» до статуса свободного человека, защищенного своей службой посольскому подьячему от произвола прежних «хозяев» и незаконных действий правительенного ведомства Челобитного приказа; свободу получили также его жена и сын.

Итак, мы проследили, насколько было возможным, судьбу «маленького человека» Юрия Кондратьева. Оказалось, что во второй половине XVII века, при благоприятных обстоятельствах, законодательство и его применение в судебно-правовой практике уже могли обеспечить защиту перед «сильными мира сего» даже социально обездоленных лиц, не имевших в стране никаких родственных корней и никакой иной надежды, кроме как на верховную власть. При этом вступление в борьбу «маленького человека» с представителями привилегированных сословий предполагало его активную жизненную позицию. Юрий Кондратьев прошел несколько этапов этой борьбы, которая тесно сопрягалась с юридическими и политическими устоями государства. Вначале – он бесправный пленник; даже будучи крещенным в православие, он ничего не мог сделать для улучшения своего социального положения и передавался из рук в руки *de-facto*

как движимое имущество, по существу он являлся «дворовым человеком». Но уже на этом этапе российское законодательство воспрепятствовало произволу его «хозяина»: Юрий не превратился в холопа *de-jure*, даже когда Иван Пятого женил его на своей дворовой девке-холопке. Второй этап связан с активным сопротивлением Юрия самим устоям политического строя – в виде побега от «хозяина» и участия в антиправительственном восстании. В ответ власти не «мстили безоглядно»: они подвергли плененного Юрия тюремному заключению, а затем Челобитный приказ вернул его старому «владельцу», то есть *status quo* социального положения Юрия восстановилось. Третий этап завершился для Юрия успехом, когда в своем сопротивлении сложившемуся порядку веющей он стал опираться на юридические устои самого государства: подал челобитную на имя царя и получил нужный приговор Посольского приказа, впервые сделавшего его свободным человеком. При этом посольские судьи опирались на уже имевший место указанной (то есть полностью законный) прецедент. Четвертый этап связан со стремлением Юрия закрепить и развить успех: он стал слугой подьячего Посольского приказа, резко исключая, таким образом, право и бывших его «хозяев», и других правительенных ведомств развернуть против него новое судебное преследование. Более того, в новой челобитной он просил вернуть ему его семью, то есть сделать и их свободными людьми. Заключительный, пятый, этап связан с отставанием Юрием этого нового статуса свободного – для себя и получением свободы его семьей. Данный последний, победный для Юрия и Посольского приказа этап был отягощен политико-придворными баталиями на высших этажах государственной власти при юном царе Федоре Алексеевиче. Но закон («указы») предыдущего царя сработали в пользу посольских дьяков и Юрия: им удалось преодолеть ретроградную позицию Челобитного приказа и своекорыстие бывших владельцев Юрия. В условиях вызревания режима абсолютной монархии теперь далеко не все решали родственные и корпоративные связи: юридический статус и правоспособность личности, даже такой незначительной, как пленный-найденыш, опирались на новеллы в законодательстве и судопроизводстве, проводимые через отдельные царские указы и прецедентные приговоры приказного суда.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется архивных документов, которые помогли бы проследить дальнейший жизненный путь Юрия Кондратьева и его семьи. Но и приведенных свидетельств из времен царствования Алексея Михайловича и его сына Федора достаточно, чтобы прийти к обобщающему выводу. В целом пример судеб простых людей, Юрия Кондратьева и его товарища по несчастью Василия Миколаева, сви-

действует, что во второй половине XVII века Россия действительно переходила к порядкам Нового времени, постепенно отказываясь от жестких феодальных установлений прежних веков.

Переход осуществлялся и на законодательном уровне, и в конкретной практике государственного управления, даже в такой ее консервативной сфере, как судопроизводство.

* Работа выполнена на средства бюджетного финансирования плановой научной темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)» (Срок выполнения: 2018–2020 гг.). Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. VI. 1720–1722. С. 486–493.
- ² ПСЗ. Т. II. 1676–1688. С. 366–367.
- ³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 1401. Л. 1–23.
- ⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 2–2об.
- ⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 3–3об.
- ⁶ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 197об., 198об.
- ⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 200об.–203об.
- ⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 245–246, 295–295об., 351–351об.
- ⁹ Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 237–264.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 4.
- ¹¹ Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500–ja 1600–luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. [Т.] I. С. 237–238.
- ¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 9–10.
- ¹³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 5.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 5, 9–10.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 7–10.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 6.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 6.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 9.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 10, 19–21.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 12–13, 18.
- ²¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 15.
- ²² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 23.
- ²³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 22.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2317. 1681 г., ноября 30. Челобитная олончанина Митрофана Репендова об освобождении его из Колодничьей палаты или о предъявлении ему судебного иска. 1–1об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б р у с и ц и н а Д. В. Олонецкие пашенные солдаты в годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Carelica. 2015. № 1 (13). С. 54–63.
2. Б у л г а к о в М. Б. Народы Европейского Севера России в XVII в.: управление и хозяйство. М.: Институт российской истории РАН, 2008. 204 с.
3. Д е м и д о в а Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 229 с.
4. Д у р о в И. Г. Положение российских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700–1721 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 1–14.
5. Жу к о в А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос-университета, 2003. 256 с.
6. З и б о р о в В. К. Из родословной русского однодворца // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 474–483.
7. К о з л о в С. А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721 / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 416 с.
8. К р о м м М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. 2001. Т. IV (122). С. 370–397.
9. К у ц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50 – начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 438–463.
10. П а ш к о в а Т. И. Тюремное заключение в законодательстве Московской Руси // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 82–98.
11. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. (Очерки истории). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
12. С е д о в П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
13. С о л о в ѿ в С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11. М.: Мысль, 1991. 671 с.
14. С о л о в ѿ в С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 14. М.: Мысль, 1991. 701 с.
15. Ч е р н я к о в а И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 297 с.

Zhukov A. Yu., Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE FATE OF KARELIAN PRISONER YURI KONDRATYEV
(on the basis of the Posolsky Prikaz materials of 1675 and 1676)***

Using a set of judicial and legal sources and accompanying materials of the second half of the XVII century, the author traced the struggle for personal freedom of Yuri Kondratyev, who was captured by the Russian troops in the Kexholm County of Sweden and became a servant (a “household man”) of a nobleman Ivan the Fifth. However, the court of the Posolsky Prikaz (Ambassadorial Prikaz) granted him the status of a free man, and his family also got their freedom. The main goal and tasks of the research are to “inscribe” the fate of Yuri Kondratyev into the country’s general historical context and the evolution of state institutions, especially the evolution of the prikaz system and legislation. The novelty of the study is that it examines the personal aspect of the general transformation of traditional society in the light of an individual’s legal capacity expansion. The chronological framework of the work is the initial period of absolutism formation within the estate-representative monarchy. The analysis is based on a microhistorical approach, and partly on the methodology of everyday life history.

Key words: captivity, servitude, Posolsky Prikaz (Ambassadorial Prikaz), Prikaz of Petitions (Chelobitny Prikaz), court, decree, precedent law, social status, legal personality, Olonets County (Uyezd)

*The study received government funding as part of the planned research project “Karelia during Peace and War (from the Middle Ages to the Present Day)” (project time frames: from 2018 to 2020). State registration number: AAAA-A18-118030190093-9.

REFERENCES

1. Brusnitsina D. V. Olonets fallen soldiers during the Russian-Swedish War of 1656–1658. *Carelica*. 2015. № 1 (13). P. 54–63. (In Russ.)
2. Bulgakov M. B. Peoples of the European North of Russia in the XVII century: management and economy. Moscow, 2008. 204 p. (In Russ.)
3. Demidova N. F. Service bureaucracy in Russia in the XVII century and its role in the formation of absolutism. Moscow, 1987. 229 p. (In Russ.)
4. Durov I. G. The situation with Russian and Swedish prisoners of war during the Great Northern War of 1700–1721. *Military-Historical Journal*. 2006. No 2. P. 1–14. (In Russ.)
5. Zhukov A. Yu. Administration and self-government in Karelia in the XVII century. Veliky Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
6. Ziborov V. K. The pedigree of a Russian smallholder farmer. *Russian state between the XIV and the XVII centuries. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu. G. Alekseyev*. St. Petersburg, 2002. P. 474–483. (In Russ.)
7. Kozlov S. A. Russian prisoners of the Great Northern War of 1700–1721. (Z. V. Dmitriyeva, Ed.). St. Petersburg, 2011. 416 p. (In Russ.)
8. Kromm M. M. Political anthropology: new approaches to the study of power phenomenon in the history of Russia. *Historical Notes*. 2001. Vol. IV (122). P. 370–397. (In Russ.)
9. Kuts O. Yu. The case of the “peasant status” of two brothers, Foma and Kalina Sevastyanov, in the late 1650s and early 1660s. *Russian state between the XIV and the XVII centuries. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu. G. Alekseyev*. St. Petersburg, 2002. P. 438–463. (In Russ.)
10. Pashkova T. I. Imprisonment in the legislation of Moscow Rus. *Russian state between the XIV and the XVII centuries. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu. G. Alekseyev*. St. Petersburg, 2002. P. 82–98. (In Russ.)
11. 11. Ruling elite of the Russian state between the IX and the early XVIII centuries. (Essays on history). St. Petersburg, 2006. 548 p. (In Russ.)
12. Sedov P. V. Decline of the Moscow Kingdom: the Imperial Court at the end of the 17th century. St. Petersburg, 2006. 604 p. (In Russ.)
13. Solov'yov S. M. History of Russia since ancient times. Vol. 11. Moscow, 1991. 671 p. (In Russ.)
14. Solov'yov S. M. History of Russia since ancient times. Vol. 14. Moscow, 1991. 701 p. (In Russ.)
15. Chernyakova I. A. Karelia at the turn of the epoch: essays on the social and agrarian history of the 17th century. Petrozavodsk, 1998. 297 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.05.2018